
К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

**“ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ”:
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДНИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ**

© 2023 г. Н. В. Корниенко^{а,*}

^аИнститут мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия

*E-mail: natalkornienko@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.03.2023 г.

После доработки 27.03.2023 г.

Принята к публикации 30.03.2023 г.

Статья посвящена анализу важнейших дат исторической хроники Сталинградской битвы и их отражению в советской литературе тех лет: публицистике, стихах, рассказах, эго-документах писателей. Привлекается материал периодики лета 1942 г., особое внимание уделено произведениям, созданным в дни Сталинградской битвы и вошедшим в золотой фонд русской классики. Предложенная в статье реконструкция хроники литературных событий лета — осени 1942 г. высвечивает особое место военной прозы Л.Н. Толстого, традиции которой станут определяющими при создании литературной летописи Сталинградской битвы как в 1943 г., так и в последующие десятилетия.

Ключевые слова: Сталинградская битва, “Они сражались за Родину”, газета “Правда”, литературная публицистика, лирика, “Василий Тёркин”, эго-документы.

DOI: 10.31857/S0869587323040035, **EDN:** SCEUSM

“...глубина всенародно-исторического бедствия
и всенародно-исторического подвига
в Отечественной войне с первого дня
отличала её от каких бы то ни было
иных войн и тем более военных кампаний”.

А. Твардовский

В советское время проводились фундаментальные научные исследования литературы периода Великой Отечественной войны. Стоит вспомнить два академических издания: том 78 “Литературного наследства” — “Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны” (1966) [1] и опубликованную в 1976 г. в серии “Литератур-

ные памятники” поэму А.Т. Твардовского “Василий Тёркин” [2]. Авторы одного из предисловий к тому “Литературного наследства” — писатели и военные корреспонденты К. Симонов, А. Сурков, Н. Тихонов. Позволю напомнить два положения из этого текста. Первое относится к этическим вопросам: “В Великой Отечественной войне в качестве военных журналистов, командиров, политработников, бойцов, ополченцев, партизан участвовало свыше тысячи советских писателей. Каждый третий из них погиб, защищая свою Родину. И первое, что нам хочется сделать, открывая начальную страницу этой книги, — ещё раз склонить голову перед памятью павших”. Во втором положении формулируются базовые методологические установки в работе с источниками, как историческими, так и литературными: “...публиковать старые рукописи в их подлинном виде, сохраняя, как правило, и те строки, которые ныне, с высоты нашего исторического знания,



КОРНИЕНКО Наталья Васильевна — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующая Отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН.

кажутся неловкими, наивными или неверными. История есть история, — и это относится не только к истории фактов, но и к истории чувств” [1, с. 7, 8]. Сделанные оговорки понятны, труд создавался в период “оттепели” и потому исключал или идеологически корректировал важнейшие факты истории и художественные тексты военных лет. В свете партийно-государственной программы разоблачения культа личности Сталина, принятой XX съездом партии, как исторические факты, так и многие литературные тексты военных лет представлялись тогда “неловкими, наивными или неверными”.

История советской литературы периода Великой Отечественной войны всегда писалась широкими мазками, период Сталинградской битвы в них не выделялся. Сложившуюся ситуацию радикально меняют комментированные издания произведений военных лет, когда от масштабов общих мы просто обязаны вернуться к созданным в это время текстам и от общих представлений об истории, сложившихся в ту или иную эпоху, перейти к составлению хроники не только жизни писателя, но и исторических событий. Подготовка таких изданий наследия писателей, прошедших Великую Отечественную войну, позволяет приблизиться к созданию реальной истории русской литературы советской эпохи.

Опираясь на опыт, накопленный в работе над собранием сочинений А. Платонова, комментированными изданиями наследия классиков советской литературы М. Шолохова, К. Федина, Вс. Иванова и других писателей, попробую привлечь внимание к некоторым важнейшим вехам и проблемным узлам темы Сталинградской битвы в истории отечественной литературы.

А. Платонов в рецензии 1947 г. на повесть “В окопах Сталинграда” (1946) В. Некрасова, участника боёв за Сталинград, предложил в оценке книг о войне использовать философскую формулу “вся истина действительности”, считая, что талантливая книга Некрасова “*приближается* к истине действительности, и слова её проверены человеческим сердцем, пережившим войну...” [3, с. 558]. (Курсив в цитатах здесь и далее автора статьи.) Формула “вся истина действительности” является аналогом понятий “историческая правда” и “художественная правда”, хотя, безусловно, ими не исчерпывается. Если историк выстраивает ту или иную концепцию исторического события, в том числе Сталинградской битвы, опираясь на факты и документы, то писатель также обращается к историческим фактам, но, даже работая с ними, остаётся прикованным к “истории чувств”, потому что отвечает за человека, а в военной литературе — за человека на войне.

Историки выделяют в Сталинградской битве два периода: оборонительный (17 июля — 18 нояб-

ря 1942 г.) и контрнаступление, которое начнётся 19 ноября и приведёт к полному освобождению Сталинграда 2 февраля 1943 г. Страницы просмотренных только четырёх газет за июль 1942 — январь 1943 г. (“Правда”, “Красная звезда”, “Известия”, “Литература и искусство”) представляют масштабную и яркую картину переплетения и перекличек исторических документов (приказов, ежедневных сводок с отдельных фронтов, редакционных статей и др.) с литературными текстами: писательской публицистикой, стихами, песнями, очерками, рассказами, фельетонами.

В дни Сталинградской битвы отмечалось 25-летие Октябрьской революции. 18 ноября 1942 г. на юбилейной сессии Академии наук СССР, посвящённой этому событию, с докладом “Четверть века советской литературы” выступил писатель и академик А.Н. Толстой. На трёх положениях из этого выступления хотелось бы сделать акцент.

“И *впервые*, как колокол града Китежа, зазвучали в советской литературе слова: *святая Родина*”;

“...все устремления советской литературы — *подняться до уровня* моральной высоты и героических дел русского воюющего народа. Литература наших дней — подлинно народное и нужное всему народу высокое гуманитарное искусство”;

“Девятьсот советских писателей — романистов, драматургов, поэтов, очеркистов, журналистов — находятся в рядах Действующей армии, *среди воюющего советского народа*” [4, с. 11, 14, 39].

Если резюмировать смысл, то отчётливо обозначается особая позиция литературы и советского писателя в дни войны: не перевоспитывать и воспитывать народ, как это рекомендовалось раньше “инженерам человеческих душ”, а самим подняться до морального уровня сражающегося на поле боя солдата, что диктует место писателя в дни войны — *среди* воюющего народа. И это отнюдь не риторические формулы советской пропаганды. Об этом свидетельствуют самые разные и разноплановые тексты, датированные датами Сталинградской битвы. Назову лишь некоторые.

22 июня в “Правде” печатается рассказ М. Шолохова “Наука ненависти”. Это первый, после публицистики, художественный текст писателя, выполненный в форме классического рассказа в рассказе. На передовой писатель-журналист встречается с лейтенантом Герасимовым, который рассказывает о своей довоенной жизни, о том, как был ранен, попал в плен... В рассказ героя о пережитом им на пороге смерти неожиданно вклинивается ироническая интонация: “*Вот и смерть*”, — подумал я. О чём я ещё думал в этот момент? Если вам это *для будущего романа*, так напишите что-нибудь *для себя*, а я тогда ничего не успел подумать» [5, с. 195]. Автор и герой не противостоят здесь друг другу, в слове героя, по сути дела, утверждается базовое для русской классиче-

ской литературы отношение между жизнью и искусством, очень важное для автора “Тихого Дона”.

“Наша судьба, конечно, решается на юге”, — запишет 18 июля О. Берггольц в блокадном дневнике, после прочтения очередной сводки Совинформбюро о катастрофе на юге: “Эти сводки — как пульс держишь у больного, любимейшего человека <...>. О, *вытяни, выдержи, выстои, земля моя, моё войско*, потому что я хочу жить, потому что ты сможешь жить, даже пролив столько крови” [6, с. 210].

А. Платонов в письме к жене от 10 августа рассказывает о работе над рассказом “Одухотворённые люди”: “Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. И это произведение, если оно удастся, *самого меня хоть отдалённо приблизит к душам погибших героев*. Мне кажется, что мне кое-что удаётся, потому что *мною руководит воодушевление их подвига...*” [7, с. 520].

Об ответственной позиции писателя не раз писал и говорил И. Эренбург в дни Сталинградской битвы, говорил резко и прямо: “Есть в нашей литературе молчаливики. Они говорят, что музы молчат на поле боя. Это неправда. Молчат не музы, молчат чересчур рассудительные люди. И эта немота бесплодна. <...> Я слышал разговоры: что война даст писателю? Праздный вопрос. Теперь нужно думать об одном: что даст писателю войне” [8].

И заключая этот ряд примеров, напомним ставшую классической знаменитую формулу А. Твардовского: “Тёркин — дальше. Автор — вслед”.

Символично, что на самые тяжёлые дни Сталинградского сражения приходится юбилейная дата — 130-летие Бородинского сражения. О значении художественного опыта Л.Н. Толстого для понимания происходящего на фронтах Великой Отечественной пишут в сентябре 1942 г. все центральные издания. 7 сентября “Правда” выходит с редакционным лозунгом: “Сегодня 130 лет со дня Бородинского сражения. Бородино увенчало немеркнувшей славой оружие и боевые знамёна русской армии. Бойцы и командиры Красной Армии! Будьте достойны наших великих предков!”. Целая страница газеты посвящена этому событию в истории России: в редакционной статье (“1812 — Бородинская битва — 1942”) битва на Волге сравнивается с Бородинским сражением; об уроках истории речь идёт в статьях военных корреспондентов, а также в стихотворении С. Васильева “Поле русской славы”: “Помни, что ты правнук и праправнук / Доблестных солдат Бородино”.

Как никогда более — за весь XX век! — именно в тяжёлом 1942 г. пишут об особом значении не только для писателей, но и для всего народа романа “Война и мир” Л.Н. Толстого: “Никогда ещё гениальная книга Толстого не имела такого заме-

чательного читателя, как в наши дни. Кто же, как не советские бойцы и командиры, могут оценить по достоинству мужественную правду, силу и народную мудрость того сказания о 1812 годе, которое сложил Лев Толстой” [9].

Художественный опыт “Севастопольских рассказов” и “Войны и мира” представлял, по точному замечанию А.Н. Толстого, ту “линию русской литературы”, которая “протягивается *прямо к Сталинграду*, к тем героям Красной Армии, которым изумляется мир” [4, с. 6, 7]. Толстовская традиция по-разному представлена в прозе 1943 г. о Сталинградском сражении (“Они сражались за Родину” М. Шолохова, “Народ бессмертен” В. Гроссмана, “Дни и ночи” К. Симонова), а затем — в повести “В окопах Сталинграда” (1946) В. Некрасова, в романах “Жизнь и судьба” (1960) В. Гроссмана, “Солдатами не рождаются” (1964) К. Симонова, “Горячий снег” (1969) Ю. Бондарева.

В литературной летописи Сталинградского битвы 1942 год составляет особую, быть может, самую сильную эмоциональную страницу.

Возьмём только даты из июльского календаря 1942 г., когда после окружения сначала под Харьковом (май), затем под Миллерово (июль) рухнул Юго-Западный фронт (12 июля его переименовали в Сталинградский); в этой тяжелейшей ситуации, когда немцы вели контрнаступление на Сталинград и Кавказ, выстраивалась оборона на Дону и в его большой излучине [10, с. 5]. В июле к событиям на юге — ожесточённым боям на Дону, в большой излучине Дона — прикована вся страна.

18 июля 1942 г. газета “Правда” на первой полосе публикует утреннее сообщение от Советского информбюро: “Юго-восточнее Миллерово идут напряжённые бои. Наши войска, отходя под напором численно превосходящих сил противника, изматывают немцев на промежуточных рубежах и наносят им большой урон. На одном из участков наши танкисты и пехотинцы разгромили прорвавшуюся вперёд часть противника”. Там же вечернее сообщение: “Южнее Миллерово продолжаются ожесточённые атаки противника...”.

В этом же номере газеты на третьей полосе печатаются статья военных корреспондентов Я. Макаренко и М. Мержанова “Бои на юге” и стихотворение Е. Долматовского “В трудные дни” с датировкой: Юго-Западный фронт, 10 июля 1942 г. Казалось бы, рассказ о тех же событиях — отступлении, прорыве обороны, оставленных сёлах, но говорится об этом даже точнее, чем в сводках, и по-другому. Стихотворение строится как доверительная беседа поэта и воина на передовой, беседа, в которой немыслимы ложь или полуправда:

*Да, друг, нам нечего скрывать,
 Что этот час нелёгок.
 Бои жестокие опять
 И бомбы на дорогах,
 И пыль на нежных листьях лоз,
 И женщина у хаты.
 В её глазах, как капля слёз,
 Немой вопрос: куда ты?
 И ты стоишь с лицом, как медь,
 И отвечать не в силе.
 Сурово, просто ей ответь:
 Да, здесь нас потеснили.
 Проклятый немец фронт прорвал
 И рвётся вновь к востоку,
 Идёт тяжёлых танков вал
 К прозрачных рек истоку...*

18 июля в “Красной звезде” (с. 3) публикуется стихотворение-лозунг К. Симонова “Убей его!”. В поздних редакциях заглавие этого знаменитого стихотворения давалось по первой строке (“Если дорог тебе твой дом...”), “немца” заменили на “фашиста” и написание слова “Родина” с прописной — на строчную (подобные исправления характерны для большинства текстов военных лет, к тому же из них исчезло имя Сталина).

В июле 1942 г. немецкие самолёты несколько раз бомбили родную станицу М. Шолохова, когда там находился писатель. При бомбёжке Вёшенской 8 июля на глазах Шолохова погибла его мать.

Из письма Шолохова от 15 июля: “Я лежал в траве около дома и видел, как немцы пикировали и сыпали бомбы, у меня ничего не было, кроме нагана <...>. У меня было тяжело на сердце, когда я лежал в этой проклятой траве, безоружный и бессильный хоть как-то обороняться от обнаглевших врагов...” [11, с. 229]. Июлем датируются события в первых главах романа “Они сражались за Родину”, которые создаются в эти трагические для страны и родины писателя дни.

Особое место в календаре “горького лета”, “страшного лета 1942 года” [12, с. 47, 97] — 28 июля 1942 г. Этой датой отмечен приказ № 227 Наркома обороны СССР И.В. Сталина, вошедший в историю под названием “Ни шагу назад”. Приказ читался в частях действующей армии, но в открытой печати тогда не появился. При этом страна знала, о чём идёт речь в этом правдивом и суровом документе. Знала в том числе и из литературной публицистики. Уже 29 июля в “Красной звезде” (с. 3) теме приказа № 227 посвящено эссе И. Эренбурга “Остановить”: «Боец Юга, стой, и ты остановишь немца. Стой, и от тебя отступит смерть! Товарищу скажи: “Стой!”. Другу скажи: “Не уйдём!”. Родине ответь: “Я здесь на посту”.

Бей немца...». В “Правде” 29 июля (с. 2) публикуется очерк прозаика В. Кожевникова “Кровь, пролитая тобой” и стихотворение-призыв А. Суркова “Песня гнева”: “Друг мой! Брат мой! Доколе / Нам терпеть поруганье?..”

30 июля в центральных газетах печатается Указ Президиума Верховного совета СССР об учреждении воинских орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского. В тот же день в “Известиях” (с. 2) — статья А.Н. Толстого “К подвигам, к славе!”.

“Отдают жизнь — за победу, жизнь за родину. Драгоценна жизнь красного воина, драгоценна его святая кровь. <...> Затуманены скорбью прекрасные глаза её. Но эти жертвы священны и необходимы.

В эту войну наш взор часто обращается к истории нашего народа, — события, как будто забытые за давностью лет, всплывают из тумана веков, и ответ героической борьбы наших дней падает на них...”.

30 июля в “Красной звезде” (с. 3) печатаются глава “В окопах” из сталинградской повести В. Гроссмана “Народ бессмертен” и очерк П. Павленко “Александр Невский”.

3 августа в “Правде” выступлениям писателей отведена отдельная литературная страница (с. 2): статья А. Толстого “Ни шагу назад!”, рассказ А. Колосова “Алёнушка” и стихотворение И. Уткина “Клятва”: “Клянусь: назад ни шагу! / Скорей я мёртвый сам / На эту землю лягу, / Чем эту землю сдам!”.

Запись в дневнике О. Берггольц, сделанная 4 августа, тоже посвящена приказу № 227: “Жестокий приказ — но правильный. Война требует большой крови. Иначе — нельзя. А по малости отдавать её — только переводить, — дистрофировать”; “Надо написать о сегодняшнем моменте, — об отступлении нашем, о том, что нужно всё выдержать — в ОДИНОЧЕСТВЕ выдержать, без второго фронта, ведь они буржуи, они ненавидят нас, — вот о чём надо писать, я знаю...” [6, с. 214, 217].

Публицистические прозаические и стихотворные тексты, опубликованные в эти дни в центральных газетах, дополняют документальную хронику Сталинградской битвы, вносят в неё особую интонацию. В эти же летние дни 1942 г. создаются литературные шедевры, вошедшие в золотой фонд русской классики, которые вряд ли можно отнести к чисто публицистическим текстам. Это рассказ-реквием “Одухотворённые люди” А. Платонова, стихотворение М. Исаковского “В прифронтовом лесу”, первые главы поэтического эпоса А. Твардовского “Василий Тёркин (Книга про бойца)” и первые главы романа “Они сражались за Родину”. В каждом из этих произведений тема человека на войне обретает толстов-

скую психологическую глубину, высокую философичность и пронзительную лирическую интонацию. Это те базовые составляющие, что входят в понятие художественной правды, правды художественного образа.

Ольга Берггольц, поэтический голос блокадного Ленинграда, так в эти дни сформулировала отличие лирического текста от публицистического: “Я хотела бы написать несколько лирических песен-стихов, которые человек мог бы петь или *бормотать один на один с собою*, — ведь война идёт *через сердце всё глубже*” (запись в дневнике от 20 августа 1942 г.) [6, с. 220]. В этом признании поэта выражена одна из важнейших — сокровенных по своему духовному статусу — тем “Войны и мира” Л.Н. Толстого. О ней в романе размышляет Пьер Безухов, проведя весь день перед Бородинским сражением *среди “наших”* — среди солдат, офицеров и ополченцев и поняв именно среди них “скрытую... теплоту патриотизма, которая была во всех тех людях, которых он видел, и которая объясняла ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти” [13, с. 218]. Литературу, идущую “через сердце”, сокровенную, тёплую, ждали в годы войны на фронте и в тылу; об этом сохранилось множество свидетельств. Вот только одна просьба от офицера связи из действующей армии: «Надо писать о любви. <...> Надо “рвать душу” у читателя. Русский человек любит рассказывать про себя. Ему нужна ласка, тепло. <...> “Тёплой” литературы нет» [14].

Используя определение О. Берггольц, можно сказать, что Исаковский в стихотворении “В прифронтовом лесу” соединил две темы “Войны и мира”. Сначала превратил в “лирическую песню-стих” толстовскую тему “скрытой теплоты патриотизма”, а затем от неё протянул нить к “грозной и величественной силе”, что явлена в образе “дубины народной войны” [15, с. 131]. Лирический сюжет отдыха солдат перед грядущим боем, когда они, слушая довоенную песню “Осенний вальс”, думают о сокровенном — о мире и доме (“И каждый думал и молчал о чём-то дорогом”), о трудной дороге к дому — “через войну”, сменяется в стихотворении картиной грядущего испытания солдата порогом смерти и народным взглядом на смерть: “А копь придётся в землю лечь, / Так это ж только раз”. Вторая часть стихотворения переводит тему дороги к дому, на пути к которому стала война, в иную эмоциональную плоскость; она и ритмически организована по-другому, не лирической, а “походной” песней под гармонь: “Так что ж, друзья, копь наш черёд, — / Так будет сталь крепка! — / Пусть наше сердце не замрёт, / Не задрожит рука...”.

Стихотворение Исаковского печатается 21 сентября 1942 г. в газете “Правда” (с. 2). Через не-

сколько месяцев Исаковский напишет стихотворение, также ставшее любимой народной песней — “Огонёк” (“На позицию девушка провожала бойца...”).

Своеобразную линию соотношения языка документальной хроники Сталинградского сражения и поэтического образа представляет глава “Переправа” из поэмы “Василий Тёркин”. Глава печаталась в разных изданиях, 20 сентября 1942 г. — в газете “Правда” (с. 2). В кратких сводках Совинформбюро лета 1942 г. постоянно шли сообщения об ожесточённых боях вокруг переправы через Дон. Даже по опубликованным в газетах сводкам можно представить, какими колоссальными жертвами оплачивалась будущая победа. Эти данные и сегодня уточняют историки, извлекая из архивов всё новые и новые документы. Реалистические детали переправы через реку (устойчивый архетипический сюжет в мировой культуре — переход от одного берега к другому, от жизни к смерти, от смерти к бессмертию, от реального к нереальному и т.п.) переплавляются Твардовским в ряд образов, которые воссоздают панорамную и одновременно почти экзистенциальную картину события: “Переправа, переправа! / Берег левый, берег правый... / Кому память, кому слава, / Кому тёмная вода, — / Ни приметы, ни следа...”. Затем после общего плана даются тёплые портреты солдат, “этого стриженного народа”, и эпизоды погибельной переправы (“Люди — тёплые, живые / Шли на дно, на дно, на дно...”), которые венчает тема вечной памяти: “Из Рязани, из Казани / Из Сибири, из Москвы / Спят бойцы. Своё сказали / И уже — *навек правы*”. Появившийся в этой картине гибели солдат на переправе живой Василий Тёркин переключает трагическую картину в почти бытовую картинку спасения героя (“Дали стопку — начал жить...”), а финальные строки главы — “Бой идёт святой и правый / Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле” — символизируют победу жизни над смертью, отсылающую к евангельскому “смертию смерть поправ...”.

Позже в статье, посвящённой истории создания поэмы, Твардовский скажет: “...глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне с первого дня отличала её от каких бы то ни было иных войн и тем более военных кампаний” [16, с. 386].

В отличие от периодизации Сталинградской битвы, принятой историками, Шолохов в главах из романа “Они сражались за Родину”, выстраивает историю “Сталинградского побоища” не с июля, а с мая 1942 г., с неудачного освобождения Харькова, результатом чего стали окружение, гибель частей Красной Армии и отступление. С 5 мая 1943 г., когда битва за Сталинград была

уже победно завершена, в “Правде” (с. 3) начинают печататься главы романа “Они сражались за Родину”, посвящённые июльскому “отступу” 1942 г. Хроника этих горьких месяцев войны предстаёт в романе в воспоминаниях героев разбитого полка и в воссозданных событиях июля–августа 1942 г.: “начало этого большого отступления”, “неудачное Харьковское наступление”; “идут от Харькова”; “тяжёлые дни зимних боёв на харьковском направлении”, “выход из полуокружения”; “скоро уже Дон, а потом Сталинград”; “фронт наш прорван на широком участке”, “уходят в отступ”; “горькое отступление”, “немец уже миновал... на Волгу рвётся. А там Сталинград”... Словно с военных карт и из сводок Совинформбюро списана топонимика глав романа: хутор Сухой Ильмень (Сталинградская область) – станица Клетская – Россось (Воронежская область) – хутор Подъёмский – город Серафимович...

Предложенную в романе периодизацию Шолохов закрепил в биографии главного героя рассказа “Судьба человека” (1956) Андрея Соколова, который попал “в плен под Лозовеньками в мае сорок второго” (село Лозовенька Харьковской области отмечено в современных исторических исследованиях Великой Отечественной войны). О харьковской катастрофе вспоминают герои повести “В окопах Сталинграда”; в романе «“Горячий снег” о тех днях напомним санинструктор Зоя: “...тогда под Харьковом пришлось оставить раненых. Я помню, как они кричали...” [17, с. 424]. Так, можно сказать, в русской литературе после романа “Они сражались за Родину” выстраивалась своя внутренняя периодизация Сталинградской битвы. Рассказ “Судьба человека” стал откликом Шолохова на не исчезающую со страниц литературной печати (с победного с 1943 г.) тему создания эпопеи о Великой Отечественной войне. Именно в этом произведении, впервые опубликованном в “Правде” 31 декабря 1956 г., 1 января 1957 г., прозвучит исполненный трагизма главный вопрос темы человека на войне, словно переданный герою рассказа “Судьба человека” из “Тихого Дона” и “Науки ненависти”: «Иной раз не спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: “За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что исказила?” Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке... Нету и не дождусь!».

Мы остановились лишь на некоторых сюжетах из истории Сталинградской битвы и её отраже-

нии в исторической хронике и литературных текстах июля 1942 – начала 1943 г.

1943 год обозначил коренной перелом не только в ходе войны, но и в литературном процессе. Смена идеологических установок найдёт отражение в ряде партийно-государственных документов 1943 и 1944 гг., а в организованных Союзом писателей дискуссиях об изображении советского офицера вновь заговорят о “преодолении” и даже чуждости философско-художественного опыта “Войны и мира”. Но это уже другая большая тема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературное наследство. Т. 78. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 1. М.: Наука, 1966.
2. *Твардовский А.Т.* Василий Тёркин. Книга про бойца. АН СССР. Литературные памятники. М.: Наука, 1976.
3. *Платонов А.* Фабрика литературы. Литературная критика. Публицистика. М.: Время, 2011.
4. *Толстой А.Н.* Четверть века советской литературы. М.: Советский писатель, 1943.
5. *Шолохов М.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М.: Терра – Книжный клуб, 2001.
6. *Берггольц О.Ф.* Мой дневник. Т. 3: 1941–1971. М.: Кучково поле, Музеон, 2020.
7. *Платонов А.* “...я прожил жизнь”: Письма. 1920–1950. М.: АСТ, 2019.
8. Творческий вечер И. Эренбурга // Литература и искусство. 1943. 16 января. С. 4.
9. *Дурылин С.* “Отечественная война 1812 года” (спектакль Малого театра) // Правда. 1942. 11 октября. С. 3.
10. *Исаев А.* Сталинград. Трудное начало // Родина. 2013. № 1. С. 5–14.
11. *Шолохов М.А.* Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
12. *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Книги пятая и шестая. М.: Советский писатель, 1966.
13. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 20 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1980.
14. Стенограмма совещания в журнале “Знамя”. 15 марта 1944 г. // РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 10. Ед. хр. 9. Л. 8.
15. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 20 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981.
16. *Твардовский А.* Как был написан “Василий Тёркин” (Ответ читателям) // *Твардовский А.Т.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1966.
17. *Бондарев Ю.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984.